

РАЗДЕЛ 1

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

НА ПУТИ К ВОЙНЕ: 1908 ГОД В РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

А.А. Синдеев

В 1907 г. состоялась Гагская конференция, последствия которой руководитель швейцарской делегации оценивал довольно пессимистически: «В целом, влияние так называемой Второй конференции мира на обоюдные отношения представителей крупных держав едва ли было благоприятным: эти отношения вначале конференции были, вне сомнения, лучше, чем по ее завершению...» [18, S. 445]. Заключение англо-русского союза, нейтральная посредническая роль России, инициатора конференции, а также возможное укрепление ее авторитета и появление дополнительных внешнеполитических опций для маневра без влияния Германии усиливали страх официального Берлина оказаться во враждебном окружении и потерять Россию как участника любого «консервативного проекта».

В тех условиях, по мнению многих германских политиков, альтернативы Австро-Венгрии в качестве основного союзника не было. Данная односторонняя установка сужала пространство для маневра, предусматривала безусловную поддержку Вены и ее радикальных шагов и как следствие – могла превратить Германию в заложника австрийских интересов. Реализация установки на российском направлении потребовала бы постоянного давления на Санкт-Петербург, отслеживания антигерманских настроений. Россию не считали в Берлине равноправным и равноценным партнером, о чем свидетельствовали расшифрованные немецкие телеграммы, периодически поступающие Николаю II и министру иностранных дел А.П. Извольскому. В этой связи не стоит удивляться, что взаимное недоверие продолжало усиливаться. К тому же, германские дипломаты в течение 1908 г. все чаще стали размышлять о войне как допустимом средстве разрешения проблем.

«У нас есть доказательства того, – телеграфировал князь Б. Бюлов германскому послу в Петербурге графу Ф. Пурталесу, – что... нападки, направленные русской прессой при помощи английской и французской против нас по поводу нашей будто бы коварной восточной политики, не остались без влияния на весьма высокопоставленных лиц в Петербурге, и что бывший до сих пор дружественный нам образ мыслей этих лиц может сделаться недружественным. Нас упрекают не только в злом учинении санджанского железнодорожного предприятия, но и во влечении Турции в войну [1, с. 572–585], в интригах в персидском пограничном споре и вообще в придирчивой недружелюбной к славянам политике» [3]. После беседы с А.П. Извольским Ф. Пурталес подтвердил правомерность скептического настроения рейхсканцлера: «такой газетный поход... не может быть веден без хотя бы молчаливого согласия правительства...» [10].

В свою очередь министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталь в марте 1908 г. настойчиво убеждал Б. Бюлова в Вене, что «Россия в нынешнем своем положении... не заинтересована в катастрофе на Востоке и тем самым по всему вероятно в общем погроме». Осторожное предложение Б. Бюлова о привлечении Франции к «консервативной восточной политике», а, следовательно, и рассмотрение ситуативного расширения германо-австрийского альянса, натолкнулись на решительное сопротивление А. Эренталя [16; 7].

Не случайно успех давления на Россию стал оцениваться в Берлине как возможность избежать войну в Европе. 19 июня 1908 г. Б. Бюлов информировал Ф. Пурталеса: «Мы с удовольствием узнали из Вашего донесения, что г-ну Извольскому очевидно удалось смягчить и тем самым до некоторой степени обезвредить обширнейшую английскую программу...». В противном случае, утверждал Б. Бюлов, могли бы наступить последствия, «которые без воздействия, то есть без общей опасности войны, не могли бы быть проведены» [4].

После аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины германские дипломаты понимали, что «интересы России требуют конференции, затрагивающей по возможности все вопросы Востока». Однако с целью получения желаемых уступок давление на Россию, сопровождаемое критикой ее политики, было продолжено. 19 октября А.П. Извольский следующим образом информировал царя о состоявшемся приеме Ф. Пурталеса: «Вместо благодарности Германия, – говорил посол, – встретила со стороны России явно недоброжелательное отношение к ней в печати и общественное мнение; вслед за этим российское правительство не только вошло с Англией в определенные политические соглашения, но, явно примкнув к двойственному соглашению Франции и Англии, все более и более становится на сторону группы держав, враждебных Германии... Подобная перегруппировка держав категорически вынуждает Германию более, чем когда-либо тесно сблизиться с Австро-Венгрией и принять за основание своей политики полнейшую солидарность во всех вопросах с Габсбургскою монархией» [8].

28 ноября А.П. Извольский в течение двух часов пытался убедить германского посла в хорошем отношении России. Ф. Пурталес оставался непреклонным: по его мнению, «вокруг Германии [сформировалось] как бы кольцо враждебных элементов». Союз между Россией и Англией может «иметь самые опасные последствия для сохранения мира», потому что «[г]лавная опасность для сохранения мира проистекает... исключительно из интриг Англии, которая... желает лишь одно – спутать карты, вызвать европейскую войну и воспользоваться... ослаблением тех держав, которые будут в этой войне участвовать» [9]. На следующий день Б. Бюлов телеграфировал Ф. Пурталесу: «сомнительно желает ли г-н Извольский, именно во внимание к внутреннему положению России, в настоящий момент войну. В особенности спрашивается, достаточно ли сильна монархия теперь для отсылки русской гвардии на границу» [5], что должно было интерпретироваться в качестве рекомендации продолжать нажим и заставить Россию идти на компромисс с Австро-Венгрией.

Вероятно именно поэтому 4 декабря 1908 г. Ф. Пурталес предупреждал статс-секретаря германского МИД В.-Э. Шёна: «Как я слышу, здесь распространено мнение, что военных осложнений, в которые Россия могла быть впутана, не следует опасаться, потому что Австрия и Германия не дойдут до крайностей в виду коалиции состоящей из России, Англии, Франции, Турции и балканских государств. Это мнение поддерживается, повидимому, моим английским коллегой, который совершенно держит в своих руках г-на Извольского, побуждает его держаться политики угроз и более вообще – нежели когда-нибудь натравливает и подстрекает здесь, как мне докладывают точные данные» [11].

Через несколько дней после этой шифртелеграммы опасения в Берлине вызвала статья в "Berliner Lokalanzeiger", по прочтению которой В.-Э. Шён потребовал уточнения из Петербурга: «Сегодняшний утренний выпуск "Lokalanzeiger" печатает бывшую якобы вчера беседу г-на Извольского с русским политиком, в конце которой министр будто бы сказал: формальный союз Англии с Россией и Францией предстоит; это необходимо ввиду того, что Германия теперь еще интенсивнее поддерживает австрийскую балканскую политику. Была ли такая беседа?» [17].

Интересно, что об опасениях Германии довольно быстро был поставлен в известность австрийский посол в Санкт-Петербурге Л. Берхтольд, который 9 декабря телеграфировал в Вену: «Корреспондент "Berliner Lokalanzeiger" заверил Пурталеса, что слова эти были

сообщены по желанию г-на Извольского, означенным русским политиком... Совместно с другими признаками эта мера указывает на "bluff"» [2].

Самого же Ф. Пурталеса волновало, «чтобы он (Извольский. – А.С.) показал, согласна ли Россия рисковать своим существованием ради капризов министра. В этом случае я считал бы лучшим способом для сохранения мира нашу хладнокровную решимость немедленно нанести смертельный удар слабейшему пункту подобного еще только образуемого тройственного союза, еще до образования его» [12], то есть Российской империи.

10 декабря германский посол встретился с А.П. Извольским по поводу ситуации, сложившейся из-за публикации в «Berliner Lokalanzeiger». «На его (Извольского. – А.С.) вопрос "что я теперь должен делать", я, – передает шифртелеграмма содержание состоявшейся беседы, – категорично ответил: "если Вы не желаете войны, то Вы должны прийти к соглашению с Австрией". Ответом было: "с Эренталем это невозможно"» [13].

Угрозы войны, таким образом, перестали быть табу. Для России это означало, что рано или поздно, несмотря на компромиссы и уступки, война станет неизбежной. Не случайно посол в Берлине Н.Д. Остен-Сакен переслал в МИД доклад российского военного агента, который констатировал, что, хотя в кассабланском инциденте, мобилизация германской армии не имела места быть, но «разослано было предупреждение быть начеку». При этом «с военной точки зрения, – писал российский военный агент, – надо признать весьма значительным симптомом то, что Германия допустила серьезно мысль о возможности войны по столь пустому предмету. Это есть доказательство того, что причина возможности (здесь и далее подчеркнуто в документе. – А.С.) войны заключена не в касабланском инциденте, а лежит глубже и с устранением этого инцидента не устранена. Первая и главная побудительная причина – это готовность Германии к войне с военно-технической точки зрения при больших шансах превосходства над соседями и в особенности над Россией, ослабленной войной. Немцы хорошо понимают, что чем дольше, тем силы России будут больше... Опыты 1866 и 1870 годов учат нас, что у немцев политика равняется военной готовности... Если Германии тем или иным способом удастся согласиться с Англией, войну можно ожидать весной 1909 года... Нам не надо однако забывать, что ослабление Германии чужими руками для Англии выгодно» [6].

1908 г. имел важное значение в российско-германских отношениях, поскольку война (и не только из-за боснийского кризиса) стала для немецкой стороны приемлемым средством не допустить появления дееспособного российско-англо-французского союза. Обсуждение альтернатив и поиск компромиссов, по большому счету, в то время не принимались серьезно в расчет. В адрес России в разных ситуациях звучали упреки и ставились условия. Недоверие в двусторонних отношениях возрастало [Ср.: 14; 15, с. 435–470]. В этой связи очевидно, что потенциальный военный конфликт не мог быть неожиданным, если «лучшим способом для сохранения мира» считать «хладнокровную решимость немедленно нанести смертельный удар слабейшему пункту». Неожиданными могли стать только его масштаб и повод.

1. Бальфур Д.-П. Османская империя: шесть столетий от возвышения до упадка, XIV–XX вв. – М.: Центрполиграф, 2017. – 639 с.
2. Берхгольд – Эренталю (шифртелеграмма), 9 декабря 1908 г. // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Оп. 470. Д. 53. Л. 40.
3. Бюлов – Пурталесу (шифртелеграмма), 17 февраля 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 46. Л. 133.
4. Бюлов – Пурталесу (шифртелеграмма), 19 июня 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 49. Л. 84.
5. Бюлов – Пурталесу (шифртелеграмма), 29 ноября 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 50. Л. 94.
6. Военный агент в Берлине – Остен-Сакену, 27 ноября 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 14. Л. 67–68.
7. Гостенков А.В. Боснийский кризис // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 2. С. 91–104.
8. Извольский – Николаю II, 19 октября 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 43. Л. 204–205.
9. Извольский – Николаю II, 29 ноября 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 43. Л. 234–235.
10. Пурталес – Бюлову (шифртелеграмма), 18 февраля 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 46. Л. 141.

11. Пурталес – Шёну (шифртелеграмма), 4 декабря 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 53. Л. 18.
12. Пурталес – Шёну (шифртелеграмма), 9 декабря 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 53. Л. 44.
13. Пурталес – Шёну (шифртелеграмма), 11 декабря 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 53. Л. 54–55.
14. Туполев Б.М. Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 2002. – № 4. – С. 27–46; № 5. – С. 19–62.
15. Хобсбаум Э. Век Империи, 1875–1914. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – 512 с.
16. Шён – Пурталесу (шифртелеграмма), 2 апреля 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 47. Л. 22–23.
17. Шён – Пурталесу (шифртелеграмма), 7 декабря 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 53. Л. 32.
18. Diplomatische Dokumente der Schweiz / bearb. von Prof. H. Lüthy, Prof. G. Kreis. Bd. 5 (1904–1914). – Bern, 1983. – 1044 S.

ОТНОШЕНИЯ ФРАНЦИЯ – США НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: УРОКИ ПРОШЛОГО, СФОРМИРОВАВШИЕ БУДУЩЕЕ

И.И. Погорская

Фактор общности фундаментов политико-системного формирования всегда оставался основой достижения конвергенции интересов и глобальных стратегических ориентаций Европы и США в мировом измерении. Среди множества народов планеты и ряда политических культур, носителями которых они являются, американцы имели ближайшее к европейскому видение политического сообщества с нормативными принципами добровольного присоединения и социального контракта. Однако, в отличие от американского социума, европейское социальное пространство слишком отмечено влиянием исторической памяти национально-государственного противостояния, поэтому его развитие является чрезвычайно тяжелым воспроизведением контракта с формированием европейской политической сущности, отличной и отдельной американской. Поэтому сбалансированность между сохранением присутствия США на европейской арене и увеличением автономного потенциала Европы остается традиционно важным вопросом евро-американских отношений, сложность которого в полной мере олицетворяет диалог между Французской Республикой и США в различные периоды мировой истории.

Отношения между США и Францией всегда были сложными и противоречивыми. Постоянные разногласия по многим вопросам, которые влияют на развитие отношений между двумя странами, не раз казались международному сообществу скорее столкновением соперников, чем сотрудничеством союзников. Иногда обе страны отстаивали свои интересы настолько жестко и амбициозно, что вызвало удивление, как они потом находили точки соприкосновения и эффективно решали общие стратегические задачи. Но именно в этом и заключается суть этого неоднозначного партнерства: каждая из сторон считала свое видение правильным и лучшим, чем видение другой стороны, и была готова бороться за его признание. Но даже в самые тяжелые периоды американо-французских взаимодействий на мировой арене, понимание общности демократических ценностей и глобальных интересов заставляло обе стороны идти на сближение и сглаживать конфликтные ситуации. Итак, общность фундаментов политико-системного формирования всегда оставалась основой достижения конвергенции интересов и глобальных стратегических ориентаций Франции и США. Но как определить сущность француско-американских отношений? Как объяснить, что, несмотря на схожие идеологические и политические основы государства, различия были и остаются одной из главных черт американо-французских отношений. Ответ на эти вопросы в значительной степени дает история двусторонних союзнических отношений между двумя государствами.

Следует отметить, что единственной крупной западной страной, которая не вступила в войну с США в эпоху их становления как независимого государства, была именно Франция. В 1781 году с помощью французской стороны Америка тринадцати колоний побеждает в собственном восстании против короля Англии. Не случайно, что договор об